

Для цитирования: Масленников М. И. Влияние крупного бизнеса на реструктуризацию мировой и российской экономики // Экономика региона. — 2019. — Т. 15, вып. 2. — С. 590-600

doi 10.17059/2019-2-21

УДК 343.37

М. И. Масленников

Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: mim1943@mail.ru)

ВЛИЯНИЕ КРУПНОГО БИЗНЕСА НА РЕСТРУКТУРИЗАЦИЮ МИРОВОЙ И РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ¹

В статье исследуются тенденции развития и мера влияния крупного бизнеса на мировую и российскую экономику, отображается динамика основных показателей его развития через показатели объемов выручки, капитализации, внешнеэкономической деятельности, определяется вклад различных компонентов в формирование валового внутреннего продукта в различных регионах мира, прежде всего, в США, КНР и РФ. Анализируется динамика показателей, отображающих развитие крупного бизнеса, позитивные и негативные стороны монополизации бизнеса. Особое внимание в статье уделено изучению формирующихся центров научно-технической, технологической и экономической силы (прежде всего в Юго-Восточной Азии), вновь сформированному механизму и инструментарию стимулирования развития крупного бизнеса: налоговые и амортизационные льготы и привилегии, ведущие к снижению налоговой нагрузки на бизнес, мера влияния на него государственного регулирующего механизма. Рассматриваются внутренние и внешние факторы, в том числе и политические, ведущие к стимулированию или сдерживанию развития крупных компаний в различных регионах мира. Исследуется динамика развития компаний крупного бизнеса в ведущих регионах мира, таких как США, КНР и Россия, на примере деятельности 500 крупнейших мировых и американских корпораций и 400 крупнейших российских компаний. В процессе анализа выявляется мера их воздействия на развитие мирохозяйственных связей. Полученные данные могут быть использованы при разработке сценариев развития российской экономики, оценке потенциальных и реальных возможностей крупного бизнеса в наращивании основных показателей развития и поиске возможностей стимулирования экономического роста в стране.

Ключевые слова: крупный бизнес, реструктуризация мировой экономики, внешнеэкономическая деятельность, капитализация, Россия, Китай, США, стимулирование развития бизнеса

Введение

За последние годы, особенно после марта 2014 г., когда Крым воссоединился с Россией, Юго-Восточные регионы украинского Донбасса переориентировались на Россию, а мера влияния западного капитала в Сирии, Венесуэле, Кубе, Иране, Ираке, Ливии, КНДР сузилась при одновременном выдвигании экономик Китая, Индии и России на лидирующие позиции в научно-технологической, инновационной и особенно в военной сферах, крупный бизнес был вынужден искать новые рынки сбыта, источники сырья и энергии. Ослабление позиций и меры влияния американского капитала на динамику общемировых показателей развития приводит к его рефлекторной реакции по изменению структуры и поведения крупного бизнеса на мировой арене. По сути дела, можно говорить о смене парадигм развития мировой экономики, ее переходе к новым стадиям, из-

менениях посредством системы качественных показателей, формируемых потребностями новой экономики (или экономики знаний), — так называемой Индустрии 4.0. В этой связи автор и поставил в данном исследовании задачу выявить тенденции развития крупного бизнеса в различных регионах мира, взаимосвязи и меру воздействия происходящих изменений в производственной и научно-технологической базе через систему основных показателей его развития (объемы производства (выручки), внешнеэкономическая деятельность, капитализация) и на этой основе выявить пути и меры адаптации отечественного бизнеса к изменяющимся условиям его деятельности.

Региональные особенности развития крупного бизнеса

За истекшие годы развития капитализм претерпел существенные изменения, особенно в России и странах Юго-Восточной Азии. «Новые русские» в 1990-е гг., а китайцы и Вьетнамцы в 1980-е гг. осуществили стреми-

¹ © Масленников М. И. Текст. 2019.

тельный («ковбойский») захват власти и имущества, с широким использованием силовых неэкономических методов передела. При этом если спецификой российского бизнеса является факт недоиспользования предпринимательских ресурсов населения, поскольку собственный бизнес осуществляют только 2,9 % населения страны [15, с. 8], то в странах Юго-Восточной Азии (Китай, Вьетнам, Таиланд, Индонезия и др.) активно вовлекаются в производственную, научно-технологическую и внешнеэкономическую деятельность широкие слои населения.

Конкурентная борьба приводит к переформатированию рынка и функционирующих на нем стран и компаний. Если США повысили свою долю в мировом ВВП с 2 % в 1800 г. до 50 % в 1945–1950-е гг., то в последующие годы эта величина снизилась и составила в 1985 г. 32,7 %¹ и 20 % в 2018 г., то Великобритания, наоборот, с конца Первой мировой войны утрачивает лидирующие позиции в мировой экономике, а ныне решает свои проблемы путем выхода из ЕС через *Brexit*. Китай и страны Юго-Восточной Азии активно наращивают свой экономический и научно-технологический потенциал, все более вытесняя западные страны с их традиционных рынков производства и реализации товаров и услуг. Усилилась их экспансия в расширении своих источников топлива, сырья и энергии во всех регионах мира, в том числе и в России, что вызывает возрастающее беспокойство в обществе и научной общественности.

Ныне, в период развертывания цифровой революции, масштабного использования IT-технологий, роботизации, когда себестоимость, издержки и цены на товары и услуги оторвались от их производства, а предложение довлеет над спросом, конкурентная борьба все более смещается в сферу массовых коммуникаций, потребителю и рынку навязывается все больший объем виртуального, фальсифицированного и «серого» товара, с широким использованием спама, вирусов, хайпов, разного рода фейков, достоверность которых верифицировать проблематично.

Монополии столь масштабно и откровенно злоупотребляют властью, ценовым механизмом, продолжительностью, условиями и оплатой труда, а порой и своей антисоциальной деятельностью, что правительства разных стран были вынуждены регламентировать на фе-

деральном и региональном уровнях деятельность крупного капитала через принятие разного рода законодательных актов, ограничивающих вертикальную интеграцию монополистического капитала, запретивших ценовые сговоры компаний, ограничивающих конкуренцию и торговлю, которые заложили основы федерального антitrustовского законодательства и государственного регулирования денежного обращения сначала в США [7, с. 14]. Это привело в последующие годы к формированию мощного разветвленного и действенного механизма и инструментария антitrustовского регулирования. Возросла и роль государства в предпринимательской, управленческой, научно-технологической и кадровой деятельности в различных секторах экономики, особенно в тех из них, которые определяют научно-технологический и образовательный потенциал страны. Так, доля государства (предпринимательство, бюджетирование, налоговые доходы и т. п. деятельность) в создании ВВП в США выросла с 3 % в 1913 г. до 14,5 % в кризисные годы 1929–1933 гг., 45,8 % в 1944 г., а затем устойчиво в 1952–2018 гг. была в пределах 20 % ВВП [13, р. 203]. В странах Евросоюза и в Канаде аналогичные показатели государственного участия в формировании доходов и расходов общества.

В работе «Общество избытка» (1958 г.), Дж.К. Гэлбрейт отмечал, что «не рядовой потребитель, не спрос и предложение, а крупные концерны диктуют рынку свои условия» [1]. В другой своей работе «Новое индустриальное общество» (1967 г.) Дж.К. Гэлбрейт вновь высказался о том, что именно крупные компании на 2/3 определяют основные сферы хозяйственной жизни, контролируя производство и распределение создаваемого ВВП страны [2, р. 52, 53]. На долю 500 крупнейших корпораций США ныне приходится до 67 % создаваемого в стране ВВП, на 500 крупнейших корпораций в мире — 37,7 % мирового ВВП [3, с. 166]; в России на долю 400 крупнейших компаний приходилось 76,3 % создаваемого ВВП в 2016 г.² Сам мировой ВВП вырос до 75,649 трлн долл. в 2016 г., при этом доля развитых стран в мировом экспорте снизилась до 52,5 % в 2017 г. против 72,5 % в 1990 г., а в импорте — до 55,8 % против с 74 %. [14, с. 11].

По данным *Forbes* на начало 2019 г. в мире насчитывалось свыше 2200 миллиардеров. Только за 2017 г. мировая экономика пополнилась 199 миллиардерами, треть из которых

¹ Экономика США [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Ru/Wikipedia/org> (дата обращения 16.04.2017).

² Эксперт.2016. № 43 (1005). 24–30 окт. С. 80, 82.

Суммарное богатство хайнетов* России [4, с. 44]

Показатель	Значение показателя по годам									
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Кол-во, тыс. чел.	90	100	140	145	150	160	155	150	185	190
Объем их богатства, трлн долл.	0,5	0,55	0,65	0,7	0,75	0,8	0,78	0,75	0,85	0,95

* хайнеты (*HNWI — high-net-worth individual*) — люди с высокой чистой стоимостью активов (более 1 млн долл. США).

«поднялась» на волне инновационных технологий, большая часть этого прироста приходится на китайский крупный бизнес. Россия также пополнила этот список: количество долларовых миллиардеров в стране в 2016–2017 гг. увеличилось на 29 чел. и сократилось за 2018 г. со 106 до 98 чел. При этом совокупное состояние миллиардеров в мире выросло с 6,5 трлн в 2016 г. до, 7,7 трлн в 2017 г. и 8,9 трлн долл. в 2018 г. (или до половины всего ВВП США¹), сам ВВП в США в 2017 г. вырос на 3 % и на 4,1 % в 2018 г., в мире — на 3,3 %, в Китае — 6,8 %, в РФ — 1,5 %.

Приращение капитала крупным бизнесом в России движется в общемировом русле. Так, в 2018 г. в стране насчитывалось 190 тыс. чел., активы которых превышают 1 млн долл., против 90 тыс. чел. в 2008 г., при этом их капитал оценивается почти в 1 трлн долл. (см. табл. 1), причем до 75 % их количества приходится всего на три региона: Москва, Московская область и Санкт-Петербург.

По мере развития производительных сил общества экономическая теория меняет подходы к характеристике абсолютных показателей деятельности предприятий, растут роль и участие малого и среднего бизнеса в производственной, научно-технологической и внешнеэкономической деятельности. Так, на 01.05.2019 г. в РФ было зарегистрировано 6 млн малых и средних предприятий, из них лишь 41 тыс. являются экспортерами, что составляет всего 0,7 % от общей их численности. Для западных стран этот показатель колеблется в пределах 4–5 % [15, с. 8]. К малым предприятиям в России относились те из них, которые имели объем реализации (производства) до 800 млн руб. в год, а число занятых до 100 чел.; к средним относят те, которые имели выручку до 10 млрд руб. в год, а к крупным — свыше 10 млрд руб. в год [12, с. 46].

Ныне «передовая техника, а также диктуемые ею специализация рабочей силы и производственного процесса и, соответственно, продолжительность производственного периода и потребности в капитале, — отмечает

Дж.К. Гэлбрейт, — формируют облик производства» [5].

Процессы цифровизации и роботизации, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), нейронные и облачные сети, информационная глобализация, охватившие современный мир с конца XX в., существенно меняют всю структуру производства. В ней основная роль отводится цифровой экономике, прежде всего, по таким направлениям, как искусственный интеллект, блокчейн, распределительные реестры, робототехника, аддитивные технологии (3D-печать), *big data*, технология «цифрового двойника», квантовые вычисления, развитие ИКТ и вычислительной инфраструктуры. Такую экономику в развитых странах характеризуют как постиндустриальную [18, с. 3–18], в ней население страны, бизнес, правительственные структуры оказались более продвинутыми в сфере развития цифровых технологий, а количество интернет-пользователей, например, в США, превысило 74,6 % населения страны [19, с. 79]. Наиболее продвинутыми в цифровизации экономики оказалась Германия — 33 % ВВП страны в 2019 г. [22, с. 29], Великобритания — 12,4 % [21, с. 87], США — свыше 10,9 %, Китай — 10 % ВВП (18,6 трлн юаней, или 2,7 трлн долл.; Россия — 3,9 % ВВП. [17, с. 46, 48]. Россия может увеличить долю цифровизации экономики в создании ВВП к 2025 г. до 8–10 % ВВП [16, с. 1225].

На развитие процессов цифровизации оказывает влияние целая совокупность различных факторов на различных этапах воспроизводственного, научно-технологического и образовательного процессов. Среди них определяющими, как видится автору, можно считать уровень развития патентного дела, меру загрузки производственных мощностей, жизненный цикл созданного продукта, сроки службы оборудования и его техническое и технологическое состояние, расходы на реновацию и амортизацию оборудования, уровень знаний, умений, навыков рабочей силы, ее способности перестраиваться в ходе смены стадий развития промышленной революции, в том числе и Индустрии 4.0. Именно внутренние условия являются преобладающими в развитии эко-

¹ Эксперт. 2018. № 44 (1095). 29 окт. — 4 нояб. — С. 5.

Таблица 2

Региональное распределение крупнейших компаний России (из списка «Топ-400», 2017 г.)*

Показатель	Значение показателя по регионам						
	Москва	Санкт-Петербург	Московская обл.	Ленинградская обл.	Татарстан	Свердловская обл.	Красноярский край
Кол-во, ед.	233	34	18	4	13	12	10
Совокупная выручка, трлн руб.	52	3,2	2,5	0,2	1,6	1,2	1,74
В % от суммарных доходов	71,9	4,3	3,8	0,25	2,2	1,89	2,3

* 400 крупнейших компаний России // Эксперт. 2018. № 43 (1094). 22–28 окт. С. 70–85.

номики и ее цифровизации и в значительной мере зависят от эффективности использования имеющихся ресурсов и от инвестиций в техническое обновление производства и создание новых мощностей, которые ведут к росту производства [6, с. 73].

Динамика показателей деятельности крупного бизнеса

Определяющим показателем деятельности бизнеса принят объем выручки, под которой понимается валовый доход от реализации продукции, работ, услуг. Это относится как к предприятиям малого, так и среднего и крупного бизнеса.

Доминирующие позиции среди отечественных производителей занимают 400 крупнейших компаний (табл. 2). Их выручка за 2017 г. выросла до 72,328 трлн руб., что на 10,5 % выше уровня 2016 г. и составляет порядка 43 % производимого совокупного общественного продукта страны.

К 2017 г. число частных компаний в списке 400 крупнейших выросло до 47 %, государственных — сократилось до 39 %, доля смешанных и иностранных компаний составила 14 %.

Основными драйверами роста объемов выручки, как и ранее, остаются нефтегазовые компании, на долю которых приходилось 30 % совокупной выручки, или 21,3 трлн руб. из 72,3 трлн руб., полученных в 2017 г.

Суммарная чистая прибыль компаний из списка «Топ-400» в России по итогам 2017 г. составила 6,3 трлн руб., что на 4,3 % выше уровня 2016 г. Убытки этих компаний возросли с 600 млрд руб. в 2016 г. до 1,15 трлн руб. в 2017 г. против 1 трлн руб. в 2015 г. В итоге чистая прибыль (то есть с учетом убытков) за 2017 г. снизилась за год на 5,0 % и составила (в текущих ценах) 5,131 трлн руб. Снизилось и число убыточных компаний: с 86 в 2015 г. до 60 в 2016 г. и до 53 в 2017 г.

Маржинальность госкомпаний из списка 400 крупнейших выше, чем у частных, а доля

госкомпаний в суммарной чистой прибыли по 361 организации в 2017 г. достигла 54 %. Средняя рентабельность госкомпаний составила 10,1 %, частных — 4,2 %.

Быстрорастущий сектор экономики — розничная торговля. 56 компаний из списка «Топ-400» формируют 10 % (7,46 трлн руб.) от суммарных доходов. Причем $\frac{3}{4}$ отрасли в 2017 г. контролировал частный капитал, а 25 % — нерезиденты.

Нарращивает показатели деятельности крупный капитал в банковской сфере, который представлен 26 банками и банковскими группами, создавшими объем выручки в 2017 г. в 6,58 трлн руб., или 9,1 % совокупной выручки. Причем 2,840 трлн руб. из общего объема реализации приходилось на госкомпанию «Сбербанк России» (4-е место в рейтинге «Топ-400»). Его чистая прибыль в 2017 г. составила 748,7 млрд руб., а капитализация — 4,546 трлн руб., или 72,915 млрд долл. (на 01.08.2018 г.), при этом рост за год составил 26,6 % при среднесписочном числе занятых за 2017 г. 312252 работника.

Четвертый растущий сегмент экономики — машиностроение, его формируют 38 фирм, объемы выручки которых составили 5,3 трлн руб., или 7,3 % совокупной выручки в 2017 г. Доминирующие позиции здесь занимают компании ОПК, доля которых доходит в данном сегменте деятельности до 58 %, причем 20,2 % доходов здесь создают иностранные автомобилестроительные фирмы.

Не менее значим вклад в формирование объема реализации компаний, относимых к сфере транспорта и логистики (4,7 трлн руб., что составило 6,5 % от суммарной выручки), из которых $\frac{3}{4}$ приходится на госкомпанию и прежде всего на РЖД (1697,5 трлн руб., чистая прибыль составила 17,5 млрд руб.), где в 2017 г. было занято 72,5 тыс. работников.

Несмотря на рост финансовой и политической нестабильности на мировых рынках, приоритетом крупного бизнеса остается

Показатели занятости, производительности труда и выручки крупнейших компаний России (2017 г.)^{*}

Показатель	Значение показателя по отраслям								
	Нефтегазпром	Машиностроение	Транспорт. логистика	Банковский сектор	Розничная торговля	Телекомсвязь	Черная металлургия	Электроэнергетика	Всего
Кол-во занятых, тыс. чел.	1090,1	867,0	843,6	572,0	632	465,2	296,5	398,0	6504,8
Производительность труда, млн руб.	18,5	3,5	3,5	10,6	5,1	1,8	9,1	7,9	8,2
Выручка, %	30	7	6	9	10	—	4	5	100
Рентабельность, %	10	—	8,1	—	—	—	13,5	—	8,01

^{*} 400 крупнейших компаний России // Эксперт. 2018. № 43 (1094). 22–28 окт. С. 70–85.

по-прежнему приращение чистой прибыли. Лидирующие позиции, как и ранее, занимают компании нефтегазового бизнеса, на долю которых пришлось 42 %, или 2,15 трлн руб. совокупного заработка работников, причем 55 % прибыли данного сектора сформировали «Газпром» (766,879 млрд руб.) и «Роснефть» (297 млрд руб.). Далее следуют компании черной и цветной металлургии — 440 млрд руб., за ними транспортные компании — 381 млрд руб., из которых 61 %, или 191,8 млрд руб., приходилось на «Транснефть».

В лидерах по показателям средней рентабельности, исчисляемой как отношение чистой прибыли к выручке, компании нефтегазового сектора, рентабельность в которых составила 10 %, в черной металлургии — 13,5 %, на транспорте и логистике — 8,1 % в 2017 г. (у «Транснефти» этот показатель превысил 21,7 %). Тем не менее, в лидерах по этому показателю остаются компании промышленности драгоценных металлов и алмазов — 28,4 %, а также химии и нефтехимии — 20,8 %.

Анализ данных среднесписочной занятости крупнейших компаний России показывает, что если в 2016 г. их представили 153 организации из списка «Топ-400», то за 2017 г. — 172, на которых было занято 6,5 млн чел., и это при том, что в 2016 г. на крупных и средних предприятиях страны было занято 32,6 млн чел. (табл. 3).

Показатели производительности труда исчислялись как отношение объема реализации (за 2017 г. она составила 72328 млрд руб.) к среднесписочному числу занятых (6504646 чел.). Причем в госкомпаниях она составила 6,8 млн руб., а в частных — 10,4 млн руб. при средней в 8,2 млн руб., или 140 тыс. долл. на одного работника, что в 2,2 раза ниже средней про-

изводительности труда в крупных компаниях даже стран Центральной и Восточной Европы. В лидерах компании информационных технологий (23,3 млн руб.), а наиболее низкие показатели у компаний, задействованных в секторе «телекоммуникаций и связи» (1,8 млн руб.), что в значительной мере связано со значительными затратами на приобретение и содержание оборудования. Лишь «Почта России» увеличила за 2017 г. производительность труда на 10 %, доведя ее до 600 тыс. руб. на работника, занятого в данной сфере. Производительность труда в нефтегазовом сегменте за 2017 г. выросла на 13,6 %, что в большей мере обусловлено ростом цен на нефть и нефтепродукты.

Крупнейшими работодателями России являются компании нефтяной и нефтегазовой промышленности — 1090,1 чел., в том числе «Газпром» (469 тыс. чел.), «Роснефть» (302,1 тыс. чел.), «ЛУКОЙЛ» (103,6 тыс. чел.), «Сургутнефтегаз» (113,6 тыс. чел.). Второе место по количеству рабочих мест занимают предприятия машиностроительного сектора (867,0 тыс. чел.), третье — транспорт и логистика (843,6 тыс. чел.).

Нарастают свои показатели по занятости и розничная торговля страны — 632,1 тыс. чел. В лидерах, как и в 2016 г., «Магнит» — 280,0 тыс. человек и X5 Retail Group — 250,8 тыс. чел.

В целом, в экономике России продолжает сохраняться тенденция преобладания занятых в госкомпаниях крупного бизнеса, которые аккумулируют 56,4 % всех работников. Только в пяти госкомпаниях (РЖД, Газпром, Сбербанк, Роснефть и Почта России) в 2017 г. было занято 2,1 млн чел., или 32,2 % всех занятых из 172 компаний, представивших отчетные данные за 2017 г.

Таблица 4

Показатели капитализации мировых фондовых рынков* [9]

Показатель	Значение показателя по фондовым рынкам										
	NYSE (USA)	Nasdaq OMX (США)	Japan SE	ShanGhaiSE (КНР)	LSE Group, Англия	Euro-Next (ЕС)	HKEx (Гонг-конг)	Shenzhen SE (КНР)	Deutsche Boerse	Rep. Korea, Ex.	Москов. биржа (Россия)
Капитализация, на 01.09.2012 г., трлн долл.	13,3	4,7	3,3	2,2	3,3	—	2,3	—	1,2	1,0	0,7
Капитализация, на 01.08.2017 г., трлн долл.	22	10	7	5,1	4,8	4,7	4	3,5	3	2	0,651
Эмитенты на 01.08.2017 г., ед.	2286	3933	2289	1396	3604	2496	2118	1255	2134	499	234

* Капитализация-200. Список крупнейших компаний по рыночной стоимости (капитализации), на 01.08.2018 г. // Эксперт. 2018. № 43 (1094). 22–28 окт. С. 102–107.

Важнейшим показателем конкурентоспособности компании на внутреннем и мировом рынках является капитализация. Она для российских 200 крупнейших компаний за период 01.08.2017 г. — 01.08.2018 г. выросла на 21,4 % — с 33,4 трлн руб. до 40,6 трлн руб. (651,272 млрд долл.; табл. 4). [8]. Этот рост обеспечили всего 20 крупнейших фирм, остальные же существенно снизили свои показатели, что отразилось на снижении показателя «входного билета» в список 200 крупнейших до 4 млн долл.

Традиционно под капитализацией бизнеса понимают стоимостную оценку предприятия на фондовом рынке инвесторами торгующими его акциями, проще говоря, по определению The Financial Times, капитализация — это цена акции (на 31 марта) умноженная на число выпущенных акций.

Показатели рыночной капитализации и ее рост зачастую являются характеристиками успешности акционерной компании.

При составлении списка крупнейших компаний мира Forbes учитывает 4 показателя — выручка, прибыль, активы и рыночная капитализация.

Несмотря на возникающие трудности крупный бизнес наращивает свои показатели развития. Так, объем реализации 500 крупнейших компаний мира вырос до 30,0 трлн долл. в 2017 г., а чистая прибыль — до 1,9 трлн долл., число занятых в этих компаниях выросло на 700 тыс. человек и достигло 67,7 млн чел. Для США эти показатели были существенно ниже и составили: по объему реализации 500 крупнейших компаний 12,0 трлн долл., по чистой прибыли — 840 млрд долл., по числу занятых — 27,9

млн чел., доля компаний списка «Топ-500» в ВВП страны составила 67 % [9, с. 166].

На 500 крупнейших в мире приходилось лишь 209 американских компаний. При этом идет процесс сокращения в этом списке компаний из Северной Америки и Европы. Так, число компаний в списке «Global 500» из Северной Америки сократилось с 215 в 2001 г. до 143 в 2017 г., а из стран ЮВА возросло со 116 в 2001 г. до 197 ед. в 2017 г., из которых 109 компаний в 2017 г. были китайскими, в то время как в 2001 г. их было всего 10. Доля европейских компаний сократилась со 158 до 143 за тот же период (табл. 5).

Анализ списка 500 крупнейших компаний мира показывает, что лишь в 10 странах в 2018 г. были сосредоточены 428, или 86 % от всех компаний. Лидеры по всем четырем показателям (выручка, прибыль, активы и капитализация) постоянно меняются.

«Газпром», входящий в список 500 крупнейших в мире, показал рост за 2017 г., переместившись с 63-го на 49-е место по объему выручки, составившей 111,9 млрд долл., с капитализацией в 99,8 млрд долл. против 94,1 млрд долл. в 2013 г. «ЛУКОЙЛ» также переместился со 102-го на 63-е место, объемы его выручки составили 93,8 млрд долл.

Перерасчет капитализации российского бизнеса, составившей 651,2 млрд долл., в валютном выражении показал рост за истекший год на 16,8 %, что лишь на 57 % выше уровня 2008 г.

Возглавляет рейтинг по капитализации среди 200 крупнейших компаний Сбербанк, нарастивший за год данный показатель на 26,6 %, до 4,456 трлн руб. (72,915 млрд долл.).

Страновое распределение 500 крупнейших компаний мира (капитализация, млрд долл.)*

Показатель	Значение показателя по странам								
	США	КНР	Англия	Япония	Франция	Германия	Швейцария	Канада	Россия
Число компаний на 31.03.2015, ед.	209	37	32	35	24	18	11	19	5
Число компаний на июль 2018 г., ед.	126	100	21	52	28	32	14	12	5
Капитализация, на 31.03.2015 г., млрд долл.	15672	2755	1998	1678	1254	1207	1102	817	197

* Global-finances.ru/krupneychie-kompanii-mira-2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://WWW>. (дата обращения: 09.02.2018); en.Wikipedia.org/wiki/Fortune_Global_500 [Электронный ресурс]. URL: <http://WWW>. (дата обращения: 05.11.2018).

Далее следуют нефтегазодобывающие компании: «Роснефть» (прирост на 31,8 %, или до 4,415 трлн руб. (70,814 млрд долл.)), НК «ЛУКОЙЛ» (рост на 56,9 %, или до 3822,4 млрд руб. (61,306 млрд долл.)), «Газпром» (рост на 20,5 % или до 3364,953 млрд руб. (53,969 млрд долл.)). Замыкает пятерку лидеров «НоваТЭК» — рост капитализации на 51,7 % до 2824,372 млрд руб. (45,299 млрд долл.). Далее следуют ГМК «Норильский никель» (1706 млрд руб.), «Татнефть» (1588 млрд руб.), «Газпром нефть» (1581 млрд руб.), «Сургутнефтегаз» (1042 млрд руб.) и замыкает первый дециль рейтинга «Топ-200» Новолипецкий металлургический комбинат — рост за год на 27,3 % с капитализацией в 980 млрд руб., или 15,4 млрд долл.

Российский фондовый рынок отличает высокий уровень концентрации и централизации капитала, только на Сбербанк приходится 11,2 % совокупной капитализации «Топ-200» и 87 % капитализации банковской сферы (4546,211 млрд руб., или 72,915 млрд долл.). Если первая тройка компаний аккумулирует 31,5 % совокупной капитализации, то первая двадцатка — 79 %, при этом ее рост составил за год 32 %, а на 140 компаний с конца списка приходилось всего 4 % совокупной капитализации.

Другая особенность капитализации — высокий уровень отраслевой концентрации. Так, на первый дециль приходилось 7 нефтегазовых компаний, на 16 нефтегазовых компаний приходилось 47,1 % совокупной капитализации, или 19,2 трлн руб., что на 38 % выше уровня 2017 г., причем и здесь преобладают 9 компаний, контролируемых государством, что составило 57,5 % капитализации данного сегмента экономики.

Второй крупный сегмент рейтинга — банковский. Его формируют 13 банковских структур, капитализация которых на 01.08.2018 г. составила 5,5 млрд руб., или 13,7 % совокупной капитализации всех компаний «Топ-200», рост

капитализации к 01.08.2017 г. на 17,8 % из них на Сбербанк приходилось 4546,211 млрд руб., или 72,915 млрд долл., на остальные 12 банковских структур приходилось 13 % стоимости отрасли. Причем 95 % стоимости формируют пять госбанков.

Третью позицию в отраслевом разрезе занимают 13 компаний черной металлургии. Все они частные, и их капитализация выросла за год на 21,6 % и достигла 2,5 трлн руб.

Помимо банковского сектора, высока доля госкомпаний в электроэнергетике, их доля в капитализации отрасли доходит до 77,5 %, на транспорте и логистике — до 68,7 %.

В целом, «Топ-200» составляют 133 российские частные компании (их капитализация составила 21,1 трлн руб., или 52 % от общей капитализации) и 57 фирм — государственные, их стоимость достигла 19,3 трлн руб., или 47,6 % совокупной капитализации «Топ-200», то есть выросла за год на $\frac{1}{4}$; 10 фирм со смешанной и иностранной формами собственности, их капитализация составила 0,159 трлн руб., или 0,4 % от суммарной.

По показателю реализации в топ-400 крупнейших компаний России за 2017 г. вошли всего 30 компаний Уральского региона, в том числе по 3 из нефтегазовой промышленности, цветной и черной металлургии, химии и нефтехимии, 6 из электроэнергетики, по 2 из розничной и оптовой торговли, машиностроения, по 1 из транспорта и логистики, пищевой промышленности, банковской сферы, телекоммуникаций и связи, науки и многоотраслевой холдинг «Синара».

Третий показатель анализа — мера участия бизнеса во внешнеэкономической деятельности. Она, особенно за последние пять лет, претерпела существенные изменения. Это касается выхода США из Тихоокеанского партнерства, приостановки участия в Трансатлантическом партнерстве, пересмотра усло-

Таблица 6

Показатели экспорта ведущих стран-экспортеров, 2017 г., млрд долл.* [11, с. 67]

Показатель	Значение показателя по странам									
	Китай	США	Германия	Япония	Нидерланды	Республика Корея	Франция	Италия	Англия	Россия
Объем экспорта	2263,4	1545,6	1450,2	698,1	651,8	573,6	522,8	503,1	442,1	357,8
В том числе продукция машиностроения	1182,6	730,1	778,3	446,9	176,2	367,4	225,3	195,4	187,0	21,7
В том числе продукция агропромышленного комплекса	73,6	143,4	86,3	—	97,4	—	68,3	46,3	—	20,7
Доля мировых лидеров в экспорте России, %	10,9	2,9	7,2	2,9	9,97	3,4	1,6	3,8	2,4	100
Доля мировых лидеров в импорте России	21,6	5,5	10,6	3,4	1,7	3,0	4,2	4,4	1,7	100

* Russian-trade.com [Электронный ресурс]. URL: <http://www> (дата обращения: 10.11.2018).

Таблица 7

Структура российского экспорта, 2018г., в % [23, с. 15]

Показатель	Объем показателя по статьям экспорта						
	Сырая нефть	Нефтепродукты	Природный газ	Черные металлы	Каменный уголь	Зерно	Прочие товары
Доля в общем объеме экспорта	28,7	17,4	12,6	5,2	2,8	2,3	30,0

вий Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA) с Канадой и Мексикой (перезаключен 30.11.2018 г. в Аргентине на встрече 20 ведущих стран мира и названо USMCA). Это и переговоры по условиям выхода Великобритании из ЕС (Brexit), судьба переговоров США с КНДР и Ираном по ядерным сделкам, а с Россией по ДРСМД, изменение структуры и функций ОПЕК, изоляционизм и санкции США в отношении конкурентов из Китая, России и Ирана и целый ряд других.

Показатели роста мировой внешней торговли составили 3,6 % в 2017 г. против 2,6 % в 2016 г., как правило, они превышают показатели роста мирового ВВП. Внешнеторговый оборот США за 2017 г. достиг 3,9 трлн долл. Основные торговые партнеры США — это Китай, Канада, Мексика, ЕС.

Внешнеторговый оборот России в 2017 г. вырос до 584,050 млрд долл., или на 24,86 % к уровню 2016 г., в том числе экспорт составил 357,8 млрд (рост на 25,08 %), а импорт — 226,966 млрд долл. (рост на 24,53 %). Величина доли российского экспорта к мировому снизилась до 2,16 % в 2017 г. против 2,86 % в 2012 г., при этом на долю 200 крупнейших экспортеров России приходилось 84,7 % всего экспорта.

В 2017 г. цена входа в список 200 крупнейших экспортеров России выросла с 46,5 млн долл. в 2016 г. до 56,3 млн долл. в 2017 г. Наиболее

экстенсивно Китай наращивает экспорт своей продукции доведя его до 2263,4 млрд долл. в 2017 г. (более 13,8 % мирового экспорта), США, наоборот, снижают свои показатели во внешнеэкономической деятельности доведя экспорт в 2017 г. до 1545,6 млрд долл., или 9,1 % к мировому, для Германии показатель экспорта составил 1450,2 млрд долл. (табл. 6).

58,7 % российского экспорта в 2018 г. было сформировано за счет углеводородного сырья — нефть, нефтепродукты, газ. (табл. 7), для 200 крупнейших этот показатель составляет 64 % (табл. 8). В целом, доходы России от экспорта нефти за 2017 г. выросли до 93,3 млрд долл.

Заметная мировая тенденция развития внешнеэкономической деятельности — рост экспорта и импорта продуктов питания. Так, экспорт продукции АПК США достиг в 2017 г. 143,4 млрд долл., Китая — до 73,6 млрд долл. в 2017 г., в России импорт продукции АПК превысил 25,3 млрд долл. в 2015 г., а экспорт составил 20,7 млрд долл. в 2017 г. и задача правительства, по заявлению Д. Медведева, состоит в том, чтобы сбалансировать к 2024 г. экспорт и импорт данной продукции.

Усилилась ранее наметившаяся тенденция сырьевых производителей и экспортеров России (крупных, средних и малых предприятий) к изменению географии поставок своей продукции, смещая их с традиционных на но-

Отраслевая структура крупнейших экспортеров России (из списка «Топ-200») [10, с. 57]

Год	Доли экспорта крупнейших экспортеров России по отраслям, %									
	Нефтяная и газовая промышленность	Цветная металлургия	Черная металлургия	Химическая и нефтехимическая промышленность	Машиностроение	Угольная промышленность	Драгоценные металлы и алмазы	Лесная и деревообработка	Пищевая промышленность	Прочие
2015	69	7	6	7	2	2	2	1	1	3
2016	66,6				3,2	3,3				
2017	64,8	7	7,2	5,1	3,2	3,3	2,05	1,65	1,5	4,2
½ 2018	64,0	10,5	6,3	6,3	—	2,6	—	5,2	2,0	

вые рынки. Так, доля стран АТР за 2017 г. в общем экспорте РФ выросла с 18,5 % в 2013 г. до 24 % за первое полугодие 2018 г.; доля стран Европы снизилась с 40 до 37 %, доля регионов СНГ осталась прежней — 13–14 %, стран Ближнего Востока — 7–8 %, стран Африки — выросла с 1,5–2 % до 3–4 %, Северной и Южной Америки за 2017 г. составила 4–5 %.

Лидерами среди крупнейших экспортеров России из списка «Топ-200», в 2017 г., как и ранее, остаются нефтегазодобывающие компании «Роснефть» (57,0 млрд долл.), «Газпром» (48,931 млрд долл.), «ЛУКОЙЛ» (20,751 млрд долл.), «Сургутнефтегаз» (Тюменская область, 13,668 млрд долл.) и замыкает пятерку лидеров «Норникель» (цветная металлургия) — 7,349 млрд долл. На эти пять компаний приходилось 147,5 млрд долл., или 53 % от 274,5 млрд долл. всего экспорта «Топ-200», причем на первые три компании — 46,2 % всего экспорта «Топ-200», что свидетельствует о высоком уровне концентрации и централизации капитала.

Уральский регион также вносит свою лепту в наращивание экспортного потенциала страны. Так, если в 2015 г. в список 200 крупнейших экспортеров России входило 25 компаний Уральского региона, из них 3 из Тюменской области, 8 из Среднего Урала, 5 из Южного Урала, 3 из Республики Башкортостан, 4 из Пермского края, 2 из Оренбургской области,¹ то в 2017 г. — 17 компаний, с объемом экспорта в 24,272 трлн руб., что составило 6,9 % всего объема экспорта РФ и 8,9 % объема экспорта 200 крупнейших в стране [11, с. 67].

Заключение

Процессы смены парадигм развития на мировых рынках товаров и услуг все более свидетельствуют о сжатии деятельности бизнеса

в традиционных сегментах экономики и смещении акцентов на научно-технологический, IT-сектор, венчурный и фьючерсный сектора, порождая новые инструменты конкурентной борьбы (санкции, спамы, фейки и т. п.), что приводит к болезненной ломке ранее сложившегося механизма и инструментария регулирования и стимулирования экономики. Анализ показателей и факторов внутреннего и внешнего развития крупного бизнеса показывает, что он быстрее и эффективнее реструктурируется, меняя свои функциональные формы развития, более адекватно приспосабливается к изменяющимся условиям развития бизнеса. Лидерами в этой борьбе все более становится крупный бизнес стран ЮВА, прежде всего Китая, который стремится к большей открытости, смягчению возникающих диспропорций через переговорный процесс, при одновременном усилении экспансии на зарубежные рынки товаров, услуг, капитала, рабочей силы, топлива, сырья, энергии. Крупный бизнес США, Канады и Великобритании, с одной стороны, все более тяготеет к изоляции от внешнего мира, а с другой — к навязыванию англосаксонской модели развития другим странам и регионам. Страны Европейского союза тяготеют к защите ранее завоеванных позиций и рынков, российский крупный бизнес — к выходу из изоляции от внешнего мира, взбадриванию экономического роста, выводу экономики из вялотекущего и инерционного сценария развития, «выходу из той нетерпимой ситуации, которая сложилась» [20] в экономике и социальной сферах. Ослабление разного рода внутренних и внешних санкций, так называемого инструментария регуляторной гильотины, который все активнее используется силовыми структурами как административный регулятор в последние годы, даст дополнительные стимулы и расширит горизонты деятельности российского бизнеса в различных сегментах отечественной и мировой экономики.

¹ 200 крупнейших компаний-экспортеров России по итогам 2015 года // Эксперт. 2016. № 38–39. 26 сент. — 2 окт. С. 58–65.

Список источников

1. Galbraith J. K. The Affluent Society. Boston: Houghton Mifflin Co. — 1991. — 276 p.
2. Galbraith J. K. The New Industrial State. Selected. USA: Princeton University Press, 2008. — 1200 p. — P. 52–53.
3. Курятникова О., Митрофанов П. Расписки для ликвидности // Эксперт. — 2011. — № 39 (772). — С. 168–177.
4. Долженков А. У хайнетов все хорошо // Эксперт. — 2018. — № 43 (1094). — С. 44–45.
5. Гэлбрейт. Возвращение / Под ред. С. Д. Бодрунова. — М.: Культурная революция, 2017. — 424 с.
6. Аганбегян А. Г. Об условиях и факторах социально-экономического развития России // Журнал экономической теории. — 2014. — № 4. — С. 71–82.
7. Масленников М. И. Изменение приоритетов в развитии государственного сектора экономики в развитых странах. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2009. — 173 с.
8. Ермак С., Заякин С. Шагреневая кожа // Эксперт. — 2018. — № 43(1094). — С. 96–99.
9. Курятникова О., Митрофанов П. Капитализация. Лекарство от спекулянтов // Эксперт. — 2012. — № 39 (821). — С. 156–165.
10. Ульянова Е., Перечнева И. Машиностроительный экспорт. Победа по очкам // Эксперт. — 2016. — № 38–39 (1001). — С. 56–66.
11. Ивантер А., Могильникова А., Перечнева И. ТОП-200 из нашей песочницы // Эксперт. — 2018. — № 39 (1090). — С. 67.
12. Перечнева И., Заякин С. Ум, нефть и совесть // Эксперт-Урал. — 2018. — № 43–44 (779). — С. 46–51.
13. Samuelson P. A. Economics. Tenth edition. — USA: McGraw-Hill, Inc. — 1976. — 917 p.
14. Загашвили В. С. Проблемы Дохийского раунда ВТО // Российский внешнеэкономический вестник. — 2018. — № 7. — С. 7–20.
15. Коваленко А. По-другому не прожить // Эксперт-Урал. — 2019. — № 21 (797). — С. 8–11.
16. Масленников М. И. Технологические инновации и их влияние на экономику // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, вып. 4. — С. 1221–1235.
17. Джанашия В. Китай погружается в «глубокую воду» // Эксперт. — 2017. — № 44 (1050). — С. 44–49.
18. Пороховский А. А. Структурные изменения американской экономики после кризиса 2007–2009 гг. // США и Канада. Экономика, политика, культура. — 2015. — № 3. — С. 3–18.
19. Ревенко Н. С. Цифровая экономика США в эпоху информационной глобализации. Актуальные тенденции // США и Канада. Экономика, политика, культура. — 2017. — № 8. — С. 78–100.
20. Обухова Е. План без важных деталей // Эксперт. — 2015. — № 6. — С. 45–46.
21. Старостина У. Я. Основы цифровизации экономики и внешней торговли ЮАР // Российский внешнеэкономический вестник. — 2018. — № 7. — С. 85–98.
22. Орехин П., Ульянов Н. Цифровизация идет пунктиром // Эксперт. — 2019. — № 22 (1121). — С. 28–31.
23. Кобер П., Заякин С. Бизнес-ланч с лазерным драконом // Эксперт-Урал. — 2019. — № 22 (798). — С. 14–18.

Информация об авторе

Масленников Михаил Иванович — доктор экономических наук, профессор, Институт экономики УрО РАН, ведущий научный сотрудник; Scopus Author ID: 55960625200 (Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: mim1943@mail.ru).

For citation: Maslennikov, M. I. (2019). Influence of the big business on restructuring of the world and Russian economy. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 15(2), 590-600

M. I. Maslennikov

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: mim1943@mail.ru)

Influence of the Big Business on Restructuring the World and Russian Economy

The article examines the development trends and influence of the big business on the world and Russian economies. The paper describes the dynamics of the main indicators of big business development via indicators of the total revenue, capitalization, foreign economic activity. In this research, I determine the contribution of the various components to the formation of gross domestic product (GDP) in different world regions, particularly in the USA, China and Russia. The dynamics of the indicators reflecting big business' development, and positive and negative sides of the business' monopolization is analysed. Special attention is paid to explore the emerging centres of scientific, technological, and economic power (primarily in South-East Asia). Furthermore, the paper analyses the newly formed mechanisms and toolset for stimulating the big business' development such as tax and amortization benefits and privileges that lead to reducing the business' tax burden. The research shows the internal and external factors, including political ones, which either stimulate or hinder the development of big business in various world regions. The analysis of the business activity of the 500 largest world and American corporations and 400 largest Russian companies illustrates the dynamics of the big business' development in the leading regions of the world including the USA, China and Russia through. This analysis has revealed how much big business affects the development of the world economic relations. The obtained results can be used for developing the scenarios of the advancement of the Russian economy. Additionally, they can

be applied for assessing the potential and real opportunities for the big business to increase the main development indicators and discover the possibilities for stimulating the country's economic growth.

Keywords: big business, restructuring of the world economy, foreign economic activity, capitalization, Russia, China, the USA, stimulation of the business development

References

1. Galbraith, J. K. (1991). *The Affluent Society*. Boston: Houghton Mifflin Co, 276.
2. Galbraith, J. K. (2008). *The New Industrial State*. Selected. USA: Princeton University Press, 1200.
3. Kuryatnikova, O. & Mitrofanov, P. (2011). Raspiski dlya likvidnosti [Acquittances for liquidity]. *Ekspert [Expert]*, 39(772), 168–177. (In Russ.)
4. Dolzenkov, A. (2018). U khaynetov vse khorosho [High-net-worth individuals are all right]. *Ekspert [Expert]*, 43(1094), 44–45. (In Russ.)
5. Bodrunov, S. D. (Ed). (2017). *Galbraith: return*. Moscow: Cultural Revolution, 424. (In Russ.)
6. Aganbegyan, A. G. (2014). Ob usloviyakh i faktorakh sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossii [About the conditions and factors of socio-economic development of Russia]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of the Economic Theory]*, 4, 71–82. (In Russ.)
7. Maslennikov, M. I. (2009). *Izmenenie prioritetov v razvitii gosudarstvennogo sektora ekonomiki v razvitykh stranakh [Transformation of the development priorities of the state's economic sector in developed countries]*. Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS, 173. (In Russ.)
8. Ermak, S. & Zayakin, S. (2018). Shagrenevaya kozha [Shagreen skin]. *Ekspert [Expert]*, 43(1094), 69–99. (In Russ.)
9. Kuryatnikova, O. & Mitrofanov, P. (2012). Kapitalizatsiya: lekarstvo ot spekulyantov [Capitalization: a drug from speculators]. *Ekspert [Expert]*, 39(821), 156–165. (In Russ.)
10. Ulyanova, E. & Perechneva, I. (2016). Mashinostroitelnyy eksport. Pobeda po ochkam [Machine-building export: win on points]. *Ekspert [Expert]*, 38–39(1001), 56–66. (In Russ.)
11. Ivanter, A., Mogilnikova, A. & Perechneva, I. (2018). Top-200 iz nashey pesochnitsy [TOP-200 from our sandpit]. *Ekspert [Expert]*, 39(1090), 67. (In Russ.)
12. Perechneva, I. & Zayakin S. (2018). Um, neft i sovest [Mind, Oil and Conscience]. *Ekspert-Ural [Expert-Ural]*, 43–44(779), 46–51. (In Russ.)
13. Samuelson, P. A. (1976). *Economics (10th edition)*. USA: McGraw-Hill, Inc., 917.
14. Zagashvili, V. S. (2018). Problemy Dokhiyskogo raunda VTO [Issues of the Doha WTO Round]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik [Russian foreign economic journal]*, 7, 7–20. (In Russ.)
15. Kovalenko, A. (2019). Po-drugomy ne prozhit [No other way to live]. *Ekspert-Ural [Expert-Ural]*, 21(797), 8–11. (In Russ.)
16. Maslennikov, M. I. (2017). Tekhnologichskie innovatsii i ikh vliyanie na ekonomiku [The Technological Innovations and Their Impact on the Economy]. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 13(4), 1221–1235. (In Russ.)
17. Dzanachiya, V. (2017). Kitay pogruzaetsya v glubokuyu vodu [China plunges into the «deep water»]. *Ekspert [Expert]*, 44(1050), 44–49. (In Russ.)
18. Porokhovskiy, A. A. (2015). Strukturnye izmeneniya amerikanskoy ekonomiki posle krizisa 2007–2009 gg. [Structural Changes of the U.S. Economy after the 2007–2009 Crisis]. *SShA V Kanada: Ekonomika, politika, kultura [USA v Kanada: Economics — Politics — Culture]*, 3, 3–18. (In Russ.)
19. Revenko, N. S. (2017). Tsifrovaya ekonomika SShA v epokhu informatsionnoy globalizatsii [U.S. Digital Economy in the Era of Information Globalization: Current Trends]. *SShA V Kanada: Ekonomika, politika, kultura [USA v Kanada: Economics — Politics — Culture]*, 8, 78–100. (In Russ.)
20. Obukhova, E. (2015). Plan bez vazhnykh detaley [Plan without important details]. *Ekspert [Expert]*, 6, 45–46. (In Russ.)
21. Starostina, U. Y. (2018). Osnovy tsifrovizatsii ekonomiki i vneshney trgovli YuAR [Fundamentals of digitization of South Africa's economy and foreign trade]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik [Russian foreign economic journal]*, 7, 85–98. (In Russ.)
22. Orekhin, P. & Ulyanov, N. (2019). Tsifrovizatsiya idet punktirom [Digitization goes on the dotted line]. *Ekspert [Expert]*, 22(1121), 28–31. (In Russ.)
23. Kober, P. & Zayakin, S. (2019). Bizness-lanch s lazorevym drakonom [Business-lunch with an azure dragon]. *Ekspert-Ural [Expert-Ural]*, 22(798), 14–18. (In Russ.)

Author

Mikhail Ivanovich Maslennikov — Doctor of Economics, Professor, Leading Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 55960625200 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: mim1943@mail.ru).